ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

9

АВГУСТА 1944 Г.

СРЕДА

№ 188 (6245)

Цена 20 коп.

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б) И МОССОВЕТА

„Дядя Ваня“

Спектакль Свердловского драматического театра

ПРИЕХАВШИЙ на гастроли в Москву Свердловский драматический театр показал пьесу А. П. Чехова «Дядя Ваня» в постановке заслуженного деятеля искусств Е. А. Брилля. Постановка была подготовлена к смотру спектаклей русской классики и в порядке творческого отчета театра показана столичному зрителю.

Чеховские спектакли Московского Художественного театра давно уже создали своеобразную традицию в истолковании наследия великого драматурга. Им подражали, у них учились. Каждый театр, естественно, по-своему ощущал отдельные образы, вносил новые оттенки, в чем-то отходил от первоисточника. Но основные направления, традиции оставались неизменными.

И режиссер Бриль в Свердловском театре шел к художественному раскрытию пьесы Чехова путем освоения традиционного истолкования его драматургии. Это определило весь характер постановки. Оформление художника А. Кузьмина воссоздает облик старинного помещичьего дома: огромные, немного мрачные комнаты, приземистые колонны, где-то рядом бурная зеленая поросль — она лезет в окна, готова оплести террасу. Дом наполнен шорохами и звуками: трещит сверчок, слышится стук дождевых капель о стекло. И люди как бы прислушиваются к течению своей внутренней жизни, полны затаен-

ных раздумий. Они «обедают, только обедают, — вспоминаются чеховские слова, — а в это время слагается их счастье и развиваются их жизни».

Сдержанно, почти про себя говорит Войницкий о загубленных годах. В игре артиста Ильина много внутренней значительности и силы. Его дядя Ваня молод, несмотря на свои 47 лет, способен безудержно и страстно любить. Он эlegantен, в «щегольском галстуке» (по ремарке автора). Все это четче доносит трагизм финала, когда профессор уезжает со своей молодой женой, чья «русалочья кровь» влекла и волновала окружающих. Снова будни: тусклый свет лампы, конторка, счета на «постное масло» и все тот же мучительный вопрос: «как бы можно было провести остаток жизни как-нибудь по-новому... Подскажи мне, как начать... с чего начать!» Это один из наиболее драматических моментов роли Войницкого, с большой силой воплощенный актером.

Вспоминая сценические образы Б. Ильина — от царя Федора до Глобы («Русские люди») и Огнева («Фронт»), — приходишь к выводу, что Войницкий — это новая грань в творчестве артиста. Может быть впервые раскрыл он здесь свое дарование так просто, искренне и глубоко.

Сдержанность и скупость движений характерны и для К. Амман-

Дальской — Елены Андреевны. Ее можно упрекнуть даже в излишней скованности. Где-то внутри затаено ее горе, только в редкие минуты прорывается оно на поверхность. Тогда, об'ятая порывом, она распахивает все окна, подставляя свое лицо дождю и ветру, бежит к роялю: «буду играть и плакать». Но услышав суровое «нельзя», тихо рыдает, уткнувшись в занавеску окна.

Актрисе трудно оправдать в спектакле свою трагедию. С одной стороны, профессор Серебряков, роль которого вяло и невыразительно сыграл артистом Н. Недедьским. Профессор физически неприятен и внутренне пуст. Как можно обмануться в этом человеке, разве способен он сковать жизнь окружающих, отравить ее фразерством, брюзжанием, мелкой раздражительностью? С другой стороны — Астров (артист К. Максимов) при всей своей обаятельности, мягкости, теплоте, лишенной увлеченности, поэтической мечты о будущем. В пьесе говорят о нем: «такие люди редки», он «красивый, интересный, увлекательный, точно среди потомков всходит месяц ясный». Не чувствуется этого в немного грустном, расслабленном, часто задумывающемся Максимове. Артист недавно успешно сыграл роли Хлестакова и Балзамина. После них трудно перевоплотиться в чеховского Астрова. Максимов преодолел трудности роли, ему веришь, он убеждает. Но центром спектакля он не стал. За таким Астровым не пойдет покорно Соня, он не пробудит чувства и в Елене Андреевне.

Соня — М. Мукарская более других чувствует поэтическое начало чеховской пьесы. Трогательная наивность чередуется в ней с деловой озабоченностью. Робкая покорность

сменяется взрывом долго сдерживаемых страданий.

Менее удачен образ Телегина (артист И. Кочетков). В нем не чувствуется того лиризма, душевного тепла, которые так свойственны чеховским персонажам.

Свердловский театр, впервые прикоснувшись к живительному источнику чеховской драматургии, сделал многое для того, чтобы добиться мудрого соединения жизненной правды и поэтической театральности. Уже сейчас «Дядя Ваня», несмотря на отдельные недочеты исполнения, радует ансамблем, единством замысла, искренностью — качествами, которые не всегда встретишь и в спектаклях столичных театров.

За 14 лет своей деятельности театр серьезно и вдумчиво работал и над лучшими пьесами советских драматургов, осуществив за последние годы такие постановки, как «Кремлевские куранты», «Русские люди», «Фронт», и над труднейшими произведениями русской и западной классики. Были поставлены «Царь Федор», «Ревизор», «Анна Каренина», «Король Лир». Сейчас мы видим попытку столь же серьезного и вдумчивого подхода к драматургии Чехова. Эта встреча с великим драматургом не пройдет для театра бесследно. Она знаменует определенный этап его исканий. Этот спектакль показывает, что Свердловский драматический театр — один из интересных театральных коллективов страны, имеющий талантливых артистов, режиссеров, художников, которые сумеют в будущем еще более полно раскрыть свои творческие возможности.

Н. Путинцев.